

официальной церкви. Но найти поддержку в этом у Аввакума, как и вообще в старообрядческом движении, Толстой, естественно, не мог (недаром он не закончил свою статью, посвященную спорам старообрядцев с православными: пропал интерес). Более того, Толстой, по-видимому (как и Тургенев), вообще не мог серьезно воспринимать Аввакума как идеолога, воспринимать так же, как он воспринимал, например, своего современника сектанта Сютаева или, в плане социальном, крестьянского писателя Бондарева. Не случайно об Аввакуме-идеологе мы не находим у Толстого ни одного высказывания. Зато, познакомившись ближе с произведениями Аввакума, Толстой увлекается ими с другой стороны — как литератор. Не религиозный реформатор читает Аввакума, но писатель, которому особенно дорога живая русская речь.

Сохранился в бумагах Толстого очень важный в этом смысле документ: записная книжка, опубликованная под № 8,¹⁵ в которой Толстой делал записи в 1879—1880 гг. Интересен уже характер и источник этих записей. Толстой делает выписки из сочинений протопопа Аввакума, словаря Даля, записывает народные выражения, обороты, отдельные слова, услышанные им самим. Само по себе соседство значительно: слова и обороты из сочинений Аввакума рядом с предложениями, взятыми у Даля, рядом с образцами живого народного языка. Очевидно, язык Аввакума воспринимается Толстым в том же плане, что и язык народный: как яркий пример не стертой, не традиционно-литературной, но живой разговорной речи, с ее привлекательной свежестью, выразительностью.

Из сочинений Аввакума Толстой не просто выписывает, но подчеркивает, выделяет особо понравившиеся ему обороты, выражения, слова.

Из «Жития»: «Он надо мною делает за посмея»; «Поглядеть заламя голову»; «Навозная рожа. Протолкался к матери»; «Я только выволокся в Москву»; «Жгом огнем блудным, угаси тот огонь»; «Больно у Христа остра шелапуга та»; «Нестройство в дому»; «Развякался. Блязновато»; «Исцелел в уме».

Примеры яркой, живой, выразительной и динамичной фразы из того же «Жития»: «Река мелкая, плоты тяжелые, пристава немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска, люди голодные, лишь станут мучить, ино и умрет»; «Час, другой положит, встанет, 1000 поклонов отбрасает и сядет».

Из книги на крестоборную ересь: «Удавили на виселице. Потонку неколи писать. Употчивали палками. Миленькой»; «Когда гневается — тигр, когда блудный — осел, когда объедается — свинья, когда убивает — сам дьявол».

Из «Челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу»: «Не покручинься, царь. Ты раб за уряд со всеми».

Из «Послания протопопа Аввакума к боярыне Морозовой»: «Медок переставай попивать. Нам и воды в честь, а живем же».

Из «Письма Аввакума боярыне Морозовой и сестре ее княгине Урусовой»: «Некого четками стегать и не на кого поглядеть, как на лошадке поедет, и по головке погладить. Нет миленького сударика. В последнее недели, как причастили его».¹⁶

Все выписки, сделанные Толстым из сочинений протопопа Аввакума, как легко заметить, имеют единый характер и, соответственно, одно общее назначение. Как правило, они не представляют собою выражений законченного содержания, но всегда являются некими стилизованными образцами. Выращения «поглядеть заламя голову», «выволокся», «развякался» и др.

¹⁵ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48. М., 1952, стр. 260—292.

¹⁶ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 260—292.